

О КОРПОРАТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ввиду отсутствия согласованности действий участников уголовного процесса в достижении общей цели – законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела – автором рассмотрены конфликтные ситуации, допускаемые в результате процессуального неравенства сторон, обусловленные неоправданной монополизацией государства в доказывании.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, состязательность, корпоративность, справедливость.

Отечественный уголовный процесс представляет собой форму государственной деятельности. Это объяснимо, поскольку именно государство принимает на себя обязанности реагировать на любые нарушения уголовно-правовых запретов с целью последующего восстановления преступно нарушенных общественных отношений. Формами подобного реагирования выступают уголовное преследование и осуществление правосудия по уголовным делам.

Государство в лице органов предварительного расследования, прокурора и суда стремится восстановить или хотя бы минимизировать последствия совершенных преступлений. С этой целью осуществляется публичное доказывание, посредством которого официально устанавливаются обстоятельства совершенных преступлений и дается государственная оценка деяния виновных в этом лиц.

С недавних пор одним из принципов уголовного процесса России вновь стала состязательность сторон. Так в ч. 1 ст. 15 УПК установлено, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон, которые при исполнении своих процессуальных обязанностей и осуществлении предоставленных прав равноправны перед судом (ч. 3, 4 ст. 15 УПК). «Реализация принципа состязательности, – отмечает И.С. Дикарев, – вносит в уголовное судопроизводство элементы спора, в котором, как известно, рождается истина. Стороны обвинения и защиты вступают в полемику, доказывая свою правоту перед независимым, беспристрастным судом, что позволяет создать максимально благоприятные условия для установления по уголовному делу объективной истины» [1, с. 82-83].

Спор, полемика – это неперенные атрибуты конфликта, взаимного противодействия сторон, их прекословия друг другу [2, с. 617]. Как словесное состязание и разногласие толкуется слово «спор» и современными исследователями

русского языка [3, с. 757]. Характеризуя природу уголовного процесса России, многие ученые отмечают его конфликтную составляющую. Так, например, по мнению В.А. Лазаревой, иллюзорными являются направления «о бесконфликтности уголовного судопроизводства и единстве целей его участников» [4, с. 15]. Ю.Ю. Ветютнев считает конфликтность неотъемлемым свойством уголовного процесса, являющегося частью правоохранительной деятельности: «Конфликтность, противостояние, антагонизм являются постоянными и неотъемлемыми свойствами правоохранительной деятельности, что отражается в привычных словесных оборотах: не случайно мы требуем от правоохранительных органов именно «борьбы с преступностью», а не просто беспристрастного применения норм права. Эта же идея заложена и в названии одного из важнейших принципов современного уголовного процесса, а именно состязательности» [5, с. 15].

В.П. Смирнов выделяет активное противостояние сторон в качестве главного признака, характеризующего принцип состязательности в уголовном судопроизводстве [6, с. 59-61]. Е.В. Митрофанова и С.А. Тумашов убеждены в том, что принцип состязательности нельзя понимать как статическое состояние, характеризующее наличие независимого суда, а также процессуального равноправия сторон. Для правильного определения характера и сущности состязательности требуется определенная динамика, поэтому, по их мнению, «необходимой составляющей принципа состязательности является наличие спора или разногласий между сторонами» [7, с. 109]. Подобное суждение обосновывает и Н.И. Газетдинов, который полагает, что именно «полемика, соревнование умов и знаний должны способствовать установлению истины в уголовном процессе, обеспечивать правильное решение вопросов о виновности и уголовной ответственности, в конечном итоге –

привести к вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора» [8, с. 109]. Весьма образно, но вместе с тем довольно точно выразился по поводу состязательности Е.А. Карякин: «Защитник, участвуя в судебном следствии, должен пребывать «в постоянной боевой готовности», предвидеть и ожидать возможные ходы обвинения, направленные на пополнение обвинительной доказательственной базы, и быть готовым достойно противостоять им» [9, с. 168].

Подобные высказывания можно цитировать достаточно долго, однако все они свидетельствуют об одинаковом подходе к характеристике современного уголовного процесса посредством раскрытия сущности одного из его важнейших принципов – состязательности сторон. Этот подход заключается в констатации безусловного наличия по каждому уголовному делу спора сторон по предмету обвинения, permanently переходящего в состязание, конфликт и даже в «боевые действия», поскольку именно спор по поводу обвинения является, по убеждению А.В. Смирнова, «главной движущей силой состязательного процесса» [10, с. 19].

Н.Ю. Лебедев, считая конфликт явлением осознанным, действием обдуманым, предлагает следующее его определение: «...уголовно-процессуальный конфликт – это нормальное и неизбежное проявление правовых связей и отношений между участниками уголовно-процессуальной деятельности, преследующих различные, а чаще всего несовместимые цели и интересы» [11, с. 85]. Судя по приведенной дефиниции, конфликт является не только неизбежным атрибутом уголовного процесса, но и вполне нормальным явлением. Убеждение в фатальной противоречивости, конфликтности уголовно-процессуальной деятельности вряд ли может способствовать изменению ее характера в конструктивном направлении.

Подобного рода «борцовская» терминология не способна характеризовать отечественный уголовный процесс с положительной стороны. Об этом писал еще М.С. Строгович, когда высказал свое отношение к так называемой теории игр в расследовании преступлений, оценивая изданную в 1977 г. монографию «Основы применения кибернетики в правопедении»: «То, что написано в цитированной книге, – отметил он, – практически означает рассмотрение следственной деятельности как сплошного конфликта между следователем и обвиняемым; конфликт заключается не в чем ином, как в том,

что следователь стремится найти истину, а обвиняемый – скрыть ее». И далее: «Этим противоречащим закону взглядам должно быть противопоставлено совершенно четкое, опирающееся на закон положение: обвиняемый – лицо, которое обвиняется в совершении преступления, а совершил ли обвиняемый преступление в действительности, полномочен решить только суд своим приговором. До этого действует презумпция невиновности» [12, с. 117-118].

Тезис о безусловной конфликтности российского уголовного судопроизводства призван оправдать представление о нем как о таком поединке, в котором всегда выявляется безусловный победитель. Пусть даже поединок представляется процессуальным, а победитель – выигравшей в нем стороной.

Современное состояние уголовного процесса России, даже при самом радужном взгляде на него, не позволяет говорить о подлинном процессуальном равенстве сторон перед судом, поскольку сторона защиты всегда оказывается в положении заведомо более слабого участника. Об этом пишет, к примеру, И.Б. Михайловская: «Состязательное построение судопроизводства предполагает равенство и равноудаленность от них беспристрастного и независимого суда. Но сторона обвинения, представленная (кроме дел частного обвинения) государственными органами, которые обладают властными полномочиями, в том числе необходимыми для производства следственных действий и получения доказательств, естественно, обладает не равными со стороной защиты возможностями отстаивания своей позиции» [13, с. 138].

Получается, что в процессуальном споре (состязании, войне) один из его участников а priori всегда обладает безусловным преимуществом, своеобразной форой, и этот участник – само государство в лице его органов уголовного преследования и нередко суда. Сейчас состояние уголовного судопроизводства таково, что государство всегда остается в выигрыше, поскольку те полномочия по доказыванию, которые оно дало стороне защиты настолько мизерны, что ей заведомо невозможно добиться справедливого результата в процессуальном поединке с безусловным фаворитом. Даже те права, которые предоставлены уголовно-процессуальным законом защитнику по его самостоятельному участию в доказывании, не подкреплены никакими процессуальными привилегиями, вследствие чего на практике они попросту иг-

норируются как органами предварительного расследования, так и судом. В теории же наделяние защитника правом самостоятельно собирать доказательства без применения процессуального принуждения подвергалось дружному ostrакизму, который следственно-судебная практика с удовольствием приняла на вооружение и успешно применяет в противоборстве со стороной защиты. По мнению А.Б. Соловьева и М.Е. Токаревой, «полученные защитником в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ сведения сами по себе не являются доказательствами, должны представляться защитником должностному лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и могут получить статус доказательства лишь после выполнения предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедур» [14, с. 91].

Получается весьма любопытная ситуация: вначале торжественно декларируется процессуальное равенство сторон обвинения и защиты и их состязания перед судом, однако перед состязанием у одной из них вполне легально отбирается оружие, вследствие чего вопрос о победителе становится, по сути, риторическим. Совершенно непонятно при этом, на каком основании защитник должен испрашивать у следователя разрешение на приобщение к материалам уголовного дела собранных им доказательств, то есть поступать таким образом, как это рекомендуется в теории и осуществляется на практике уголовного судопроизводства, если в доказывании стороны обвинения и защиты по закону равны.

По моему убеждению, защитник не должен просить следователя придавать собранным им доказательствам дополнительное свойство допустимости, поскольку они приобретают это свойство в момент реализации защитником своих нормативных полномочий, предусмотренных, в частности, ч. 3 ст. 86 УПК. В п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК указано, что следователь обязан указать в обвинительном заключении перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты. Но если следователь не считает представленные защитником сведения доказательствами, то и не будет указывать их в итоговом документе предварительного следствия. А если он все-таки приобщит к материалам уголовного дела защитительное доказательство, то, по логике адептов одностороннего доказывания в уголовном судопроизводстве, он станет выполнять функцию защиты, что ему категорически запрещено ч. 2 ст. 15 УПК. Получается, что легче и

выгоднее отказать защитнику в праве на самостоятельное собирание доказательств, чем принимать на себя труд по их включению в доказательственную базу. Кстати, из 318 архивных уголовных дел в разных регионах страны лишь в 35 (11%) содержались ссылки на доказательства защиты, к которым, как правило, относились лишь сведения справочного характера (справки, характеристики и т. п.). Ни одного доказательства, полученного с помощью представленных защитником процессуальных полномочий (протоколов опроса очевидцев, заключений специалистов и т. д.), в них не было. Наиболее распространенная формулировка, применяемая следователями при составлении обвинительного заключения: доказательств, на которые ссылается обвиняемый, защитник, – нет (отсутствуют).

Такое положение дел, как представляется, является прямым следствием всеисильности государственной стороны обвинения, которая, в свою очередь, возросла на почве государственной монополии в сфере доказывания по уголовным делам. Сегодня сфера отечественного уголовного судопроизводства буквально напитана духом государственного диктата, монопольным стремлением подавить любые попытки правомерного противодействия стороне обвинения, а значит, самому государству, которое автоматически становится победителем в том псевдосостязании, которое, как отмечается в теории, должно являться движущей силой процесса.

Своеобразное обоснование необходимости сохранения существующего status quo предлагает Ю.П. Гармаев, считающий, что представленные защитнику полномочия по участию в доказывании, в том числе его право на привлечение специалиста и т. д., «вызывают у практических работников стороны обвинения определенные «опасения», а порой даже своеобразную панику, которую они объясняют тем, что теперь противостоять преступности, в особенности организованной и коррумпированной, будет, мягко говоря, значительно сложнее» [15, с. 37].

Конечно, паникеры вряд ли могут противостоять преступности, поскольку способны существовать только в стерильной среде, когда сутью их деятельности является безусловное устранение противной стороны либо существенное нивелирование ее процессуальных возможностей, а затем привычно спокойная «борьба с преступностью». Но это даже не состязательность, а деятельность с заранее прогнозируе-

мым результатом на «победу». Цена такой победы хорошо известна: коррупция в самих правоохранительных органах и суде, следствием которой является «крышевание» криминального бизнеса, сращивание с преступной средой. Примеры со ст. Куцевской, Гусь-Хрустальным, Московской областью – лишь малая часть подобной «победоносной» деятельности.

Между тем в ст. 6 УПК определено общее назначение уголовного судопроизводства, в равной мере призванного защищать права и законные интересы как потерпевших от преступления, так и обвиняемых в его совершении. Представляется, что эта мера несколько не зависит от того, в каком состоянии стороны находятся по отношению друг к другу: спора, борьбы, войны либо иного подобного способа выяснения отношений. Обществу и государству такого рода «разборки» обходятся слишком дорого. Для них должно быть гораздо более важным такое разрешение уголовного дела по существу, которое полностью соответствовало бы объективной действительности, а также отвечало требованиям законности и справедливости. Это, на мой взгляд, означает, что на самом деле в уголовном судопроизводстве должна быть одна общая цель, объединяющая уголовно-процессуальную деятельность всех без исключения ее участников, – максимально полное и справедливое восстановление нарушенных преступлением общественных отношений либо в такой же степени оправдание невиновных. Ведь если признать, что процессуальная деятельность обеих сторон направлена исключительно на достижение указанной цели, находящейся в рамках нормативного назначения уголовного судопроизводства, то тогда следует отказаться от идеи их состязания в этом, поскольку борьба всегда предполагает наличие взаимно противоположных интересов.

По большому счету, общество не должно быть заложником тех процессуальных битв, которые, по мысли современных адептов состязательности, должны происходить в рамках уголовного производства; ему важен удовлетворяющий его результат процессуальной деятельности, заключающийся в установлении правды по рассматриваемому уголовному делу и восстановлении в связи с этим правовой и социальной справедливости, которая была нарушена уголовно-правовым событием (при условии его полной доказанности).

Если все без исключения субъекты доказывания будут поставлены перед нормативной не-

обходимостью осознания общей цели уголовного процесса, то действительным содержанием предписанных им процессуальных функций должно стать правомерное решение обусловленных этой целью задач. И обвинение, и защита представляют собой такие направления уголовно-процессуальной деятельности, которые отличаются между собой лишь характером входящих в их содержание задач. Их целевая направленность одинакова, поэтому векторы этих функций неизбежно должны сходиться в точке достижения общей цели. Кроме того, представление о взаимоисключающем характере функций обвинения и защиты отрицает взаимосвязь их понимания как взаимосвязанных сторон единого познавательного процесса по установлению наличия либо отсутствия обстоятельств уголовно-правового события и всемерному способствованию суду в принятии законного, обоснованного и справедливого решения. Подобное отрицание способно лишь пролонгировать современное состояние отечественного уголовного судопроизводства, которому навязана искусственная конфликтность, красиво именуемая состязательностью.

Представление об уголовном процессе как совместной деятельности сторон исключает представление о нем как своеобразном поле битвы непримиримых процессуальных оппонентов. Напротив, общность цели предполагает максимальную гармонизацию государственных и общественных интересов, которая, однако, возможна лишь при сознательном отказе государства от монополии в познании обстоятельств преступных деяний. Суд и стороны должны быть заинтересованы в достижении единого результата их совместной процессуальной деятельности – справедливого и законного разрешения уголовного дела. Для этого законодатель должен отказаться от идеи состязательности сторон, провоцирующей каждый уголовный процесс в конфликтное «выяснение отношений», и наполнить его корпоративным духом, выражающим стремление всех участников к достижению указанной общей цели.

Корпоративное построение уголовного судопроизводства должно предполагать действительное процессуальное равенство сторон в доказывании обстоятельства уголовно-правового события, исключение любой дискриминации стороны защиты, что, безусловно, максимально полно гармонизирует отношения всех участников познавательной деятельности в рамках уголовного процесса.

В определенной степени развитие законодательства демонстрирует стремление к поощрению корпоративных начал уголовного судопроизводства. Так, например, особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК) предполагает при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением совместную деятельность сторон по обеспечению постановления приговора без проведения судебного следствия. В соответствии с правилами, установленными главой 40.1 УПК, совместная деятельность по установлению обстоятельств инкриминируемого обвиняемому преступления возможна в случае заключения сторонами досудебного соглашения о сотрудничестве.

Однако даже в тех случаях, когда процессуальные интересы сторон не совпадают (обвиняемый отрицает свою причастность к преступлению либо настаивает на минимизации своего участия в его совершении), их, казалось бы, взаимоисключающая процессуальная деятельность на самом деле направлена на достижение единого результата. Иначе быть попросту не может, поскольку цель уголовного процесса всегда одна, несмотря на наличие или отсутствие у

сторон различных интересов. В любом случае конфронтация, состязательность и борьба противоречат истинному смыслу доказательственной деятельности и действительно необходимой и целесообразной природе уголовного судопроизводства. Вместе с тем изменение этой природы возможно лишь в условиях установленного в законе полного процессуального равенства сторон по участию в установлении обстоятельств уголовно-правового события. Единственное исключение, которое должно отличать их правоспособность в этом, – возможность применения процессуального принуждения только государственными органами и должностными лицами.

В связи с изложенным представляется необходимым исключить ч. 4 ст. 15 УПК, а ее часть первую изложить в следующей редакции: «Уголовное судопроизводство осуществляется на началах равенства прав сторон по участию в установлении или отсутствии обстоятельств по уголовному делу с учетом различий, обусловленных возможностью применения государственного принуждения при этом».

14.01.2011

Список литературы:

1. Кругликов А.П., Дикарев И.С., Бирюкова И.А. Принципы уголовного процесса Российской Федерации. Волгоград, 2007.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2004.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
4. Лазарева В.А. Влияние состязательности уголовного судопроизводства на понятия теории доказательств // Юридический аналитический журнал. 2006. №1.
5. Ветютнев Ю.Ю. О закономерном характере правоприменительного конфликта // Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии. Волгоград, 2003.
6. Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 1998. №3.
7. Митрофанова Е.В., Тумашов С.А. Действие принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса. Волгоград, 2007. С. 41.
8. Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципа состязательности // Вестник Оренбургского госуд. ун-та. 2005. №3.
9. Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики. М., 2007.
10. Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб., 2001.
11. Лебедев Н.Ю. Уголовно-процессуальные конфликты, возникающие в ходе расследования преступления: характеристика, функции, виды // Вестник Томского госуд. ун-та. 2008. №306.
12. Строгович М.С. Правосудие и уголовное судопроизводство // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. М., 1979.
13. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008.
14. Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. М., 2010.
15. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. М., 2005.

Сведения об авторе: **Будников Владимир Леонидович**, главный редактор научно-практического журнала «Правовой аспект», кандидат юридических наук, доцент
тел. (8442)941388, e-mail: aspect-56@mail.ru

UDC 343

Budnikov V.L.

ABOUT CORPORATE CRIMINAL PROCEEDINGS

Due to the absence of the action coordination of criminal process participants in achieving common goal – the legal, substantiated and valid result of criminal case, the author examined the conflict situations, permitted as a result of the processual inequality of sides, caused by unreasonable state monopolization in proving.

The key words: criminal process; proving; competitiveness; corporativity; validity.